

12 5 ДЕК 1977

НЕДЕЛЯ

ДИСКОТЕНА
«НЕДЕЛИ»

ГОЛОС АРТИСТА

Если у вас есть два с половиной свободных часа... Но даже если у вас есть это время и есть желание прослушать все три пластинки нового альбома «Качалов на концертной эстраде», вы, по всей вероятности, не прослушаете их все подряд. Первая же вас остановит и заставит возвратиться к ней снова. И так будет не раз — и с каждой. И с той, где пушкинское «...Вновь я посетил» и «Юбилейное» Маяковского, и с той, где отрывки из «Анны Карениной» и «Воскресения», и с той, где Блок, Достоевский, Гёте.

Люди сегодняшних дней, мы не видели на сцене многих великих, но доверчиво и охотно поверили в прекрасные легенды, сложившиеся вокруг этих имен. И Качалов — увы! — тоже легенда.

И вот теперь явилась заманчивая возможность к этой легенде прикоснуться. Проверить ее — как ни кощунственно звучит это слово и как оно ни странно на первый взгляд, ибо кто хоть раз не слышал качаловского голоса и у него в ушах не стоит: «Как ни старались люди...»

Но все-таки отдельные, вдруг настигающие вас впечатления — одно, а концерт, которого вы ждете, — другое, совсем другое. На вкладном листе, вслед за программой значится: составитель В. Виленкин, и имя это внятно говорит тем, кто интересуется отечественной сценой. Профессор В. Я. Виленкин написал книгу о Василии Ивановиче Качалове — недавно вышло ее второе издание, и это прекрасная книга театроведа. Но особенной делает ее раздел воспоминаний — Качалов был дорогим человеком в жизни автора и оттого программа составлена не просто обдуманно, но прочувствованно. Если даже ничего не знать об артисте, то теперь с основанием можно сказать — знаю, и сколько знаю.

Какие же чувства возникают у слушающих в первую очередь? С чем они связаны? С радостью. С несколько даже ошеломляющей радостью от существования искусства столь совершенного, что нельзя осознать своей неподготовленности к нему, своей неадекватности.

Нет, про неадекватность неверно, и не потому, что приравниваешь себя читающего. Связь между вами устанавливается сразу же, с первыми звуками этого действительно чарующего голоса, но она может прерваться или окрепнуть, и это уже во власти каждого, в вашей собственной власти.

Если вам дано уважение к чужой мысли — так, как оно дано Качалову, если вы хотите понять ее и следовать за ней, как хочет этого он, если вы, как и он, не стыдитесь восторга, который вызывают гениальные стихи и проза, — тогда все в порядке.

Тогда не по-сегодняшнему медлительная и не по-сегодняшнему торжественная манера качаловского чтения не покажется вам старомодной, но воспримется такой, какая она есть на самом деле, — благородной. Тогда вы не сможете не почувствовать, как удивительно пристала эта манера всему — и облику артиста (в джинсах и свитере человека, так читающего, не вообразишь), и тишине внимающего зала, и, конечно же, в первую очередь всему тому, с чем он вас знакомит.

Именно знакомит, не противьтесь этому слову, потому что кто-то — если не Пушкин, то Блок, а не Блок, так Маяковский или Горький — обязательно покажется вам иным, нежели хранит его ваша, пусть благодарная, пусть знающая, память.

В комментариях, а пластинки снабжены умным предваряющим словом С. Васильевой, говорится о наполненности артистического дара Качалова жизнью и судьбой. Жизнь своего времени и его, Качалова, личной судьбой, близко и естественно, потому что так сложилась, но и специально — по пристрастиям ума связанной с отечественной культурой. Принимающей и пропагандирующей эту культуру, ее суть, ее гражданские и нравственные начала.

Может быть, поэтому так удивительно читает Качалов Толстого, соединяя в целое чувственное ощущение мира и жажду его одухотворенности. Может быть, поэтому так созвучен русской классике его Маяковский — «Юбилейное» не просто громкое признание в любви к Пушкину, но утверждение их близости в главном — в предназначении искусства.

Качалов принадлежит когорте тех же людей.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.